

АНДРЕ ВАНДЕНБРЁК

АЛЬ-КЕМИ:

герметические, оккультные, политические и приватные
аспекты личности Р. А. Шваллера де Любича

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 13
ББК 86.42
В17

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Евгения Истомина.

Редакция перевода и примечания — Олег Молотов.

Ванденбрёк, А.

В17 Аль-Кеми: герметические, оккультные, политические и приватные аспекты личности Р. А. Шваллера де Любича / Пер. с англ. — М.: Тотенбург, 2025. — 358 с.

В книге рассказана история восемнадцати месяцев, которые художник и писатель Андре Ванденбрёк провел в ежедневном контакте с известным французским герметическим философом и египтологом Р. А. Шваллером де Любичем (1887–1961). «Аль-Кеми» вводит читателя в удивительный мир этого современного алхимика. Особое внимание в книге уделено загадочной личности одного из наиболее известных алхимиков XX века, публиковавшегося под псевдонимом Фулканелли.

УДК 13
ББК 86.42

© Евгения Истомина,
перевод с английского, 2025

© Олег Молотов,
редакция перевода, примечания, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1	17
<i>Брюгге, 1958–1959. — Прорыв и общение. — Книга, которую я взял почитать. — Чтение: эзотерическое и экзотерическое. — Понятие тайны. Двойное чтение. — Поездка в Грас. — Иша. — Человек правых взглядов. — Изумление в Лионе. — Начало переписки. — Знание высшего рода.</i>	
ГЛАВА 2	48
<i>Переезд в Грас. — Метафизические догадки. — Аор в шестидесятых. — Vive la différence! — Le Plan des Anciens. — Алхимический дом. — Люси. — Вагнеровские вечера. — Первая беседа с глазу на глаз. — Дурак из колоды Таро. — Совершенно конкретная абстракция.</i>	
ГЛАВА 3	74
<i>Учитель и ученик. — Фараон о гипотенузе. — Языковые игры. — Очевидный камень. — Восприятие Делания. — Diabolus in musica. — Duodecim claves. — Определение посредством сжатия. — Аор одобряет нашу кухню. — Музыкальное чаепитие. — Биографические размышления.</i>	
ГЛАВА 4	101
<i>Рассказ о Фулканелли. — Тексты, техники и тайна. — Читая Василия Валентина. — L'expérience. — Исчезающий герметист. — Тяготы наследия. — Космическая шутка «для своих». — Понимая Василия Валентина. — Жест восприятия. — Запах бога. — Родство и порядок. — Конструкция восприятия. — Священная наука.</i>	
ГЛАВА 5	147
<i>Красные и синие стекла Шартрского собора. — Обращение к читателю. — Допотопный сфинкс! — Происхождение числа. — Божественное воровство. — Уровни схемы. — Священные тайны. — Отсутствие хороших страниц. — Круг моих учителей. — Камень. — Похищенная рукопись. — Индиго есть индиго. — Живое золото!</i>	
ГЛАВА 6	186
<i>Цитирую себя критически. — Портрет у лестницы. — Дар Бога. — Послание с поздравлениями. — Эпистемологические раздумья. — Генеалогия стекла. — Интригующие заметки на полях. — Планы на летнее солнцестояние. — Непрошенные подробности. — Соленые жемчужины опыта. — Прорыв к Египту. — Трансформации Аора.</i>	

ГЛАВА 7.....218

Les Veilleurs и их язык. — Переведенное уродливое слово. — Сигнал от радикалов. — Обзор публикации 1919 года. — Соль, кости и symbolique. — Герб Эзе. — Не поддающиеся разрушению останки. — Эволюция, клеточная и металлическая. — Восприятие и бесконечные циклы. — Вписывая в минеральную соль. — О металле.

ГЛАВА 8.....248

Прервемся для самоанализа. — Пифагор в Рыбах. — Путешествие по звуку слов. — Лазурно-синее возрождение. — Эмоциональные состояния и вписывание. — Циклы и потерянное время. — Experimentum crucis. — Откровения между единицей и двойкой. — Элита де Любича. — Политика и элита. — Просвещенная анархия.

ГЛАВА 9.....276

«Аор» Иши. — Иерархии. — Триада абстракций. — Qui est Aor? — Немного академической философии. — Вопрос ответственности. — Il faut toucher à tout. — Снова о фиксированной соли. — Ряд происшествий. — Белые крахмаленные салфетки. — Остров элиты. — Проблема тайны. — Падение Фулканелли.

ГЛАВА 10.....307

Семена и побег. — Неприкрытая грубость. — Сознательная безнравственность. — Родство моих друзей. — Прискорбный список. — Некоторые неудачные параллели. — Вновь об ответственности. — Траектория Аора. — Шваллер де Любич в Америке. — Исследование семени. — Отъезд. — Adieux.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

ЗНАНИЕ И ИМПЛИЦИТНЫЕ ФУНКЦИИ337

ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....346

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

ПИСЬМО К ЕВРЕЯМ352

БЛАГОДАРНОСТЬ.....354

ВВЕДЕНИЕ

Материал, изложенный на этих страницах, был собран в 1959–1960 годах, когда я ежедневно общался с Рене Шваллером де Любичем. Пятнадцать следующих лет ушло на анализ и подтверждение информации, полученной в процессе нашего общения, и на поиск подсказок, всплывавших в наших разговорах, темы которых были весьма разнообразны. В свое время я пренебрег этими подсказками, но они потребовали моего внимания даже после того, как прямые консультации стали невозможны. Де Любич умер через несколько месяцев после того, как наша совместная работа прервалась.

В 1975 году я предпринял первую попытку этим заняться, но обнаружил, что ключевого элемента уравнения по-прежнему не хватает. Этим элементом был я сам. Потребовалось еще восемь лет, чтобы приобрести тот опыт, что был мне необходим для выполнения этой задачи. В те последние годы стало очевидно, что такой автобиографический аспект является неотъемлемой частью того, что я пытался сформулировать, и до этого времени я был не в состоянии осмыслить ту часть себя, которая, на первый взгляд, продолжала выдавать мне постоянно меняющиеся параметры. И вот, опоздав на целых двадцать пять лет, в свои полные шестьдесят я наконец ощущаю уверенность, что могу рассказать эту историю хотя бы с некоторой надеждой на успех. Читателю, который может счесть некоторые из этих страниц сложными для понимания, я могу предложить лишь слабое утешение: проживать все это временами тоже было непросто, а фиксация моего опыта на бумаге потребовала от меня упорного труда. И тем не менее это был чудесное и интересное время, и я надеюсь, что усилия читателя будут схожим образом вознаграждены.

В предыдущих попытках изложения я стремился ограничиться герметическими аспектами личности Р. А. Шваллера де Любича. Я назвал совокупность этих аспектов *Герметическим Аором*¹. Не систематические исследования, а удачные знакомства и случайные открытия убедили меня в том, что эзотерический аспект невозможно отделить от оккультного, и, к моему удивлению, за последним не слишком усердно скрывался и политический компонент. Это усилило биографический характер повествования и выделило некоторые частные аспекты, которые я изначально не собирался затрагивать. Кроме того, встал вопрос, слишком теоретический, чтобы представлять его в основанном на фактах рассказе, но который все равно необходимо упомянуть, поскольку он выходит за пределы этой книги: какая степень ответственности за идеи лежит на их авторе?

Что касается сделанных мною выводов относительно личных и даже весьма частных аспектов жизни этого склонного к затворничеству человека, я надеюсь передать их посредством описания общего характера наших взаимоотношений, а не указывая на совокупность тех или иных эпизодов. Эти отношения, по большому счету, были основаны на идеях.

Хотя всем этим различным аспектам уделяется заслуженное внимание, в конечном счете здесь преобладает моя изначальная пристрастность, и мы нередко будем оказываться в компании Герметического Аора — того человека, с которым я поддерживал весьма близкие отношения.

Жизнь под знаком герметического Делания (*Oeuvre*) отличается от жизни по стандартам общества в целом; и его, и моя жизнь была и остается весьма далекой от общепринятой. Поскольку наши пути пересеклись в далеких землях, спокойном и тихом месте, этот контакт был ярким,

¹ «Аор» (Aor) — мистическое имя, полученное де Любичем к концу Первой мировой войны.

всеобъемлющим и заведомо недолговечным. Потому что Шваллер де Любич был самовластным мастером, а ученичество как состояние актуально для относительно недолгого периода жизни, хотя и остается привычным даже после. Индийские мудрецы советуют своим ученикам порхать от цветка к цветку, как бабочка, и собирать знания в любой доступный момент. В итоге человек видит гуру повсюду, что означает, что он сам стал гуру.

Цель этого повествования заключается не в том, чтобы дать всеобъемлющее представление об идеях, вдохновлявших этого философа: его можно получить из уже опубликованных материалов². В ходе работы моя книга зажила собственной жизнью; стало ясно, что в наших дискуссиях приоритет перед всеми прочими имела одна тема — тема эволюции. Сам по себе этот факт едва ли можно считать удивительным, поскольку само определение эволюции является, пожалуй, центром его Делания вообще. Однако эта тема всплывала в наших разговорах таким образом, что ее невозможно полноценно развить в письменной работе, хотя ее основные элементы подobaющим образом разбросаны по всему повествованию в соответствии с педагогическим устремлением автора. Если попытаться несколько упрощенно охарактеризовать

² *Le Temple de l'Homme: Apet du Sud à Louqsor* (Paris: Caractères, 1958).

Le Roi de la Théocratie Pharaonique (Paris: Flammarion, 1961). Перевод на английский: *Sacred Science: The King of Pharaonic Theocracy*, trans. André and Goldian VandenBroeck (New York: Inner Traditions International, 1982).

Le Miracle Egyptien (Paris: Flammarion, 1963). Перевод на английский: *The Egyptian Miracle*, trans. André and Goldian VandenBroeck (New York: Inner Traditions International, 1985).

Du Symbole et de la Symbolique (Le Caire: Schindler, 1951). Перевод на английский: *Symbol and the Symbolic*, trans. Robert and Deborah Lawlor (New York: Inner Traditions International, 1978).

Propos sur Esotérisme et Symbole (Paris: La Colombe, 1960). Перевод на английский: *Esoterism and Symbol*, trans. André and Goldian VandenBroeck (New York: Inner Traditions International, 1985).

эту сложную тему и ее выводы *одним термином*, я бы назвал ее предмет *восприятием*, а ее объект — *формой*.

Прежде чем переходить к этим частностям, нужно отметить, что де Любич придерживался традиционного понятия эзотерической науки и ее передачи: истинное знание недоступно для рационального ума. Из-за этого эпистемологического убеждения его работы пронизаны метафорами, двусмысленностями, а временами и вовсе неясны. Он не доверял письменному слову, ему вообще не нравилось письмо, потому что истина неотвратимо деградирует, будучи изложенной профанным языком на бумаге. Такая позиция совершенно очевидно определяет ту линию, к которой он себя относил согласно своим идеям и выводам. Плохое отношение де Любича к «светскому письму» как способу передачи истины сделало личный контакт с ним бесценным, поскольку к речи и жестам он относился иначе. Он был активным сторонником устной передачи такого рода знания, которое лучше всего называть «гнозисом»³, и при личном общении он никогда не отказывался от свободного разговора на самые возвышенные темы. Поскольку наши отношения вскоре переросли понятие будничных, его подача информации становилась все более прямой, что составляло явный контраст с его письменными работами, часто представляющими проблемы при понимании смысла и объекта высказывания.

Для такого рода эпистемологии личный контакт является главным элементом коммуникации, и позже я уви-

Verbe Nature, в Isha Schwaller de Lubicz, "Aor" (Paris: La Colombe, 1963). Перевод на английский: *Nature Word*, trans. Deborah Lawlor (West Stockbridge, Massachusetts: The Lindisfarne Press, 1982).

³ Термин «гнозис» как перевод *Connaissance* (с большой буквы) был принят автором во время наших разговоров. Так как вокруг его использования позже разгорелись некоторые споры, нужно указать, что даже французское слово *gnose* считалось автором синонимом *Connaissance*, см. *Le Temple de l'Homme*, t. I, p. 26: «*La gnose — ou Connaissance — intrigue*». Также см. *The Egyptian*

дел, до какой степени его система координат приспосабливается к собеседнику. Мы оба раньше занимались скульптурой, и я знаю, что его исследование темы восприятия и формы часто вдохновлялось идеями, напрямую отсылавшим к краскам и холсту. Но со временем у меня сложилось впечатление, что центральный элемент этих тем тем не менее в основном отражал его собственные интеллектуальные занятия в данный момент, и я пришел к выводу, что если бы он уделил время еще одному творческому порыву, восприятие и форма стали бы главными темами в его последнем учении.

Как я уже отметил, со временем я осознал, что бессмысленно ограничиваться рамками идей де Любича. Так как мне интересны герметические аспекты его жизни, я считаю нужным рассказать, как я вошел с ним в контакт, учитывая, что в то время и он сам, и его работа были практически неизвестны не только мне, но и, по большому счету, всему миру. Поэтому в первую очередь я уделю внимание связи между опытом, сделавшего меня чувствительным, и той сферой мысли, которой я занялся впоследствии, вслепую, почти по ошибке — учитывая, что такой контакт, когда он совершается по незнанию, не может быть намеренным. Эти события подтвердили для меня (если здесь нужны подтверждения) существование более тонкой сферы влечения и родства, которая сама по себе отражает космическую организацию; и именно поиск космологической структуры создал тот магнит, который притянул нас друг к другу.

Первая часть моей работы, посвященная моей жизни до знакомства с Аором, естественно, имеет очевидный и целенаправленный автобиографический характер, и центральная часть, описывающая наше проведенное со-

Miracle, p. 13: «...гнозис (как мы обозначаем врожденное знание, касающееся "тайны становления"...)».

вместно время, в не меньшей степени пронизана той же субъективностью. Напротив, поскольку герметическая работа требовала постоянного отождествления субъекта и объекта, и так как я должен был устранить различие между ними, дабы достичь абстракции мысли и конкретности жеста⁴, мое самоосознание соответствующим образом углубилось, поэтому это повествование также является автобиографическим, хотя и совершенно на другом уровне. Здесь не будет попыток достичь объективности, поскольку субъект не отделен от объекта, а проникает в него.

Поскольку работа с Аором не прошла для меня впустую, сейчас мое понимание лучше, чем в то время. Но извечные проблемы никогда не теряют актуальности, и я не собираюсь притворяться, что вернулся к пониманию, которое было у меня *тогда*, обсуждая этот предмет *сейчас*. Если реальность существует, то определенно в настоящем моменте. Истина (или язык, построенный схожим с такой реальностью образом, который, возможно, и является целью философских усилий) должна, таким образом, быть сосредоточена в моменте, а не в прошлом или будущем. Настоящий момент всегда содержит знание в полной мере.

Естественно, возникает вопрос: что это за знание, которое можно воспринимать подобным образом?

У него есть название: это «Аль-Кеми», название моей книги. В соответствии со строгой теорией языка, возникающей из интересующей нас дисциплины, название книги не должно иметь абсолютно никакого содержания. И поскольку сама работа — это не что иное, как совершенное продолжение названия, нужно подождать, пока вы ее дочитаете, прежде чем сможете судить о смысле этого названия. Именно по этой причине любой

⁴ Здесь и далее следует учитывать, что жестом в языке герметической алхимии называется действие адепта. — *Прим. ред.*

серьезно составленный текст следует читать дважды. Первое прочтение даст тесное соприкосновение с терминологией работы, и только при втором прочтении, после осознания всего объема названия, можно позволить непонятым терминам расцвести — они наполнятся смыслом. Я не говорю, что термин в своем пустом понимании всего своего содержания не может играть важную роль сам по себе благодаря своей позиции в синтаксисе и грамматике, которая делает его компонентом в структурной игре, а также благодаря своему этимологическому определению⁵. А у нашего названия достойная этимология.

Аль-Кеми — это основной интерес Аора на протяжении всего его пути. Само это слово происходит из древнеегипетского иероглифа, обозначающего «черную землю» — долину реки Нил. Арабы-завоеватели заимствовали название этого региона и добавили свой артикль: Аль-Кеми *означает* «Египет фараонов», и для ума, погруженного в мифологию, Египет фараонов *является*

⁵ См. мою «Философскую геометрию» (*Philosophical Geometry*, South Otselic, NY: Sadhana Press, 1972). Существует и издание 1987 года (*Inner Traditions International, Rochester, Vt.*), номера страниц даются по нему. Различие между «терминами» (*terms*) и «словами» (*words*) в теории языка носит фундаментальный характер. Я писал на этот счет в разные времена с разных точек зрения, впервые во введении в «Философскую геометрию». Далее следует отрывок, в котором исследуется обсуждение, посвященное природе знаков и различных наборов знаков: «[Ибо] язык обеспечивает свою организацию не только благодаря пониманию, которое обеспечивают его знаки как *термины*, но и благодаря формализации с помощью грамматики и синтаксиса, а также с помощью словарного запаса. До тех пор, пока набор знаков не будет охвачен такими референциальными инструментами, он должен оставаться изолированным, не теряя своей горизонтальной структурирующей силы, но будучи обречен лишь на выражение порядка: расширение за пределы терминологии является прерогативой языка и не относится к изолированному набору знаков. Как набор *терминов* язык является структурным инструментом, но когда он привязывает к своим терминам далеко идущее (*far-floating*) значение *слов*, он становится инструментом познания. Язык терминов построен на понимании и порядке; при этом общее согласие является постоянной возможностью и зависит только от согласия относительно референциальных инструментов грамматики и синтаксиса. Кроме того, словари однозначно демонстрируют, является ли знак термином или нет. В языке в каждый момент времени присутствует полный набор терминов, а также все возможные варианты порядков».

Аль-Кеми. Де Любич много лет занимался средневековыми и арабскими алхимическими текстами, прежде чем столкнулся с Египтом времен фараонов, и его догадка об Аль-Кеми как приложении герметического гнозиса со сбором детальных доказательств в текстах и памятниках переросла в уверенность. Значение этой догадки и ее влияние на историю, философию и науку; роль мифа во всех интеллектуальных и духовных дисциплинах в свете приравнивания Аль-Кеми к Египту времен фараонов; связь мифа с мифологией; Египет и Греция как близнецы, колыбели цивилизации эпохи Водолея, противопоставленные греко-христианской эпохе Рыб; возможность возрождения посредством Аль-Кеми; наконец, природа самой Аль-Кеми, исследованная посредством сравнения ее средневековых выражений с древнеегипетскими — все это темы, представляющие огромный интерес и затронутые в наших беседах, но в моем рассказе они представлены не слишком ярко. Мое намерение при написании этих мемуаров состояло в том, чтобы познакомить читателя с определенными аспектами личности этого человека — в основном теми, которые, быть может, видел лишь я один, или теми, о которых до сих пор не говорили. Это позволит мне продемонстрировать те стороны его интеллектуального состояния, которыми он предпочел поделиться в ходе нашего общения. Более того, я очень постарался убрать из книги материал, который можно собрать посредством тщательного изучения его опубликованных работ, хотя в устной передаче, которой я удостоился, он представал гораздо яснее и убедительнее, чем в печати. Иначе я не смог бы добиться небольшого размера этой работы, к которому стремился.

Нужно понимать, что мы общались на французском, а я должен описывать все на английском. Важность такого отклонения от действительного положения вещей

могут оценить только люди, говорящие на двух и более языках: оно значительно, и оно постоянно угрожает всей моей работе. В тех случаях, когда, по моему мнению, некоторые выражения накрепко связаны с французским языком, я приведу их в оригинале, и эти цитаты всегда будут точными.

Языковая сложность еще в большей степени усиливается тем, что время от времени мы использовали немецкие слова или фразы, когда этот язык обеспечивал нас верным и незаменимым термином или синтаксисом для передачи точного смысла. Однако, как правило, мы отходили от использования двух языков, если это угрожало пониманию сути, и события подтвердили, что это опасение было не напрасным. Соображения по поводу языка и его теории будут периодически появляться в повествовании. Они принципиальны для Аль-Кеми, как они принципиальны и для герметического противоречия, касающегося «сокрытия и обнажения» — родственной темы. Язык и его расшифровка являются необходимым компонентом в изучении символических знаков и тем аспектом де Любича, который, насколько мне известно, практически не сохранился в развитии его идей. Терминология поддерживает язык, как мы уже упомянули, но в герметических науках терминология — это в меньшей степени синтаксис, а в большей степени *symbolique*⁶. “*Rien ne marque tant l’esprit que le nombre*”⁷, — таково было одно из самых твердых убеждений Аора, но к этому он обычно прибавлял, что для того, чтобы эта функция или число оказались

⁶ Перевод французского *la symbolique* при помощи английского *the symbolique* также обсуждался в моих беседах с де Любичем, см. предисловие переводчика к *Sacred Science*. Передача *lasymbolique* как *the symbolic* — это неверный перевод, что ясно продемонстрировано тем фактом, что точное французское соответствие *the symbolic* — это *lesymbolique*, и смыслом обоих выражений является «нечто символическое», как раз тот смысл, которого автор желает избежать.

⁷ Ничто не оставляет на уме такого отпечатка, как число.

вписаны, они должны сформировать *symbolique*⁸. И лучшим примером этого процесса служит Аль-Кеми.

В начале моего временного пребывания рядом с ним Аор считал меня практически безграмотным для работы, которой нужно было заниматься, и мне пришлось очень много читать. Он был потрясен тем фактом, что я лишь поверхностно знаком со Священным Писанием, и не очень хорошо знаю, например, строки 1–3 из Книги Бытия, или Евангелие от Иоанна. Мы обсуждали все великие тексты, которые мне пришлось прочесть, — начиная с «Изумрудной скрижали» и заканчивая Джабиром, Василием Валентином и Николя Фламельем. Поскольку его жизнь подчинялась принципу “Ora, lege, lege, lege, relege”⁹, его толкования руководили моими первыми шагами в ключевом искусстве медленного чтения, а затем расшифровки как таковой. Поэтому письменные работы, изначально казавшиеся лишь мистификацией, начали говорить об объектах моего исследования с потрясающей ясностью. Я научился читать и начал понимать, что *хорошие* тексты (каковых совсем немного) далеки от упражнений в туманном стиле и являются действительно ясными утверждениями, касающимися извечных вопросов космического существования. Избитая герметическая фраза, вроде «что наверху, то и внизу», однажды казавшаяся обычным псевдофилософским принципом, не имеющим ни содержания, ни доказательств, превратилась в живую истину, проявленную повсюду. Это, в свою очередь, наделило смыслом интригующую информацию, повторяемую вновь и вновь во всех хороших герметических текстах: философский камень можно найти где угодно,

⁸ Природа «вписывания» (*inscription*) в философии эволюции де Любича обсуждается далее в тексте. (Специфический термин *symbolique*, оставленный в тексте книги без перевода, также объясняется далее. — *Прим. ред.*)

⁹ «Молись, читай, читай, читай, перечитывай» (лат.). Один из вариантов девиза алхимиков. — *Прим. ред.*

потому что он находится повсюду. Какова могла быть его ценность в таких обстоятельствах? Я начал понимать возможности постоянного момента, когда все вокруг становилось вероятным, творческого разложения в хаосе начала. Такие понятия перестали быть метафизическими и стали очевидными, как будто я изучал науку очевидного. Многое ли можно принять как должное и многое ли понятно без слов? Это вопросы, которые следует рассмотреть заново. Нет более бесполезного занятия, чем изучать становление дуальности из единства вместе с Пеано¹⁰ и теорией чисел, когда число два и все последующие числа образуются прибавлением единицы. Разница может быть просто в том, что первая точка зрения встретила с проклятым вопросом происхождения всякой существующей единицы в каждой операции. Для такого типа мышления, который мы зовем пифагорейским, естественно поставить вопрос: как только целому, Всему, придается характер всеохватывающего единства, откуда рождается «второе» единство, чтобы получить два?

Светскому мышлению незаметно очень многое, потому что оно не ставится под сомнение.

Мы заглядываем на невероятные расстояния в прошлое, но данный момент является для нас закрытой книгой. Мы не можем достичь его, мы не можем познать его. Лишь медитация открывает волшебную дверь интуиции. Но медитация Аора не включала в себя сложенных рук и прямой неподвижной спины. Его медитация была жестом, а ее результатом — искусство. Он гордился тем, что обучался вместе с Матиссом, но живопись не была его излюбленной манипуляцией — я видел лишь одну работу его авторства, и она сохранилась не чтобы отдать почести

¹⁰ Джузеппе Пеано (1858–1932) — известный итальянский математик. Более всего известен как автор стандартной аксиоматизации натуральной арифметики — арифметики Пеано. — *Прим. ред.*

художнику, а как память о его предмете. Это карандашный портрет, нарисованный просто и размашисто, потрясающий в своем сходстве: вы знаете этого человека, даже ни разу его не увидев! Я могу озвучить это абсурдное мнение, потому что это отвечает моему опыту. Что касается модели этого портрета, нам предстоит сказать многое, так как этот человек часто упоминался в наших разговорах. Здесь я упомяну лишь его имя: «Фулканелли». Я пишу его в кавычках только сейчас, единственный раз, чтобы предупредить читателя: герметические авторы всегда прячутся за псевдонимами. Самая тяжелая ноша, которую я вынес из контакта с герметическими кругами, — это то, что я узнал о Фулканелли. Это до сих пор невозможно передать. Я изложу его письменно и отдам на волю неопределенной судьбы. Возможно, оно исчезнет; возможно, потомкам представится шанс судить, правда это или вымысел. Однако будущее — уже не *моя* забота, а читателя.